

Божественный целитель Цзян, который держал чашку чая и уже приготовился посмотреть представление, так и застыл от изумления. Надо же, неужели сработало?

Чжу Яньинь рисовал на редкость быстро. Он почти не делал исправлений и не испортил ни одного листа бумаги. Меньше чем за время горения одной благовонной палочки он уже набросал облик старика из чана. У него были длинные изящные пальцы; принимаясь за рисунок, он закатал рукава, обнажив ослепительно белую кожу рук.

Ли Суй кивнул:

— Примерно так все и было.

Чжу Яньинь с облегчением вздохнул:

— Вот и хорошо.

Ему было невыразимо любопытно, и он очень хотел спросить, кто этот старик, но так и не осмелился. Он лишь тщательно вымыл кисть из волчьей шерсти, достал из рукава маленькую коробочку с благовонной мазью, развел ее в воде, обмакнул туда кончик кисти, повернул ее несколько раз, а затем вынул сушиться.

Божественный целитель Цзян, который тоже писал кистью не один год, опешил: надо же, неужели бывают подобные тонкости?

Ли Суй покосился на него с легкой усмешкой.

Цзян Шэнлинь мысленно хмыкнул: «Не думай, что если у тебя каменное лицо, я не вижу, как ты надо мной потешаешься. И чему ты радуешься? Будто сам раньше видел эти цзяннаньские изыски!»

Он поднялся со своего места:

— Уже поздно, я провожу Второго молодого господина Чжу домой.

— Не нужно провожать, мой экипаж ждет внизу, — Чжу Яньинь прибрал на столе и украдкой взглянул на Ли Суя, словно собираясь что-то сказать, но не решаясь.

Цзян Шэнлинь догадался о его мыслях и поспешил сказать:

— Как только выдастся погожий денек, мы отправимся в ущелье за городом. Пусть Владыка дворца Ли покажет Второму молодому господину Чжу какую-нибудь грозную технику кулачного боя.

Ли Суй лишь вопросительно приподнял бровь.

Чжу Яньинь с готовностью согласился и, полный радостных надежд, весело ушел.

На лице Ли Суя появилось недоброе выражение:

— Объясняй!

Цзян Шэнлинь ответил с полной уверенностью в своей правоте. Ценных вещей, которые не стыдно преподнести в подарок, у Ли Суя все равно не водилось, так что удивить он мог разве что своим боевым мастерством. А Второй молодой господин Чжу как раз зачитывался

романами о великих мастерах боевых искусств. Почему бы не показать ему пару приемов? Дело нехитрое, зато порадует человека — глядишь, в будущем пригодится.

Ли Суй процедил:

— Проваливай.

Цзян Шэнлинь поправил фитиль свечи, чтобы она горела ярче, и принялся внимательно изучать флакон с зельем.

Помимо слюны питона, там содержались яд скорпиона, ядовитые жуки, золотой сандал и грибы гуйтоусань — словом, целая смесь смертоносных веществ. В таком вареве даже крепкий мужчина в самом расцвете сил испустил бы дух, а этот седовласый старик умудрялся просидеть в чане целое горение палочки благовоний. Стало быть, у него за плечами имелся немалый запас внутренней силы. Что же касается железных цепей — ядовитый отвар разъедал плоть, причиняя невыносимую, разрывающую сердце боль, которую мало кто способен вытерпеть без сопротивления.

Ли Суй спросил:

— Зачем ему купаться в ядовитом отваре? В чем смысл?

— Это позволяет превратить собственное тело в яд, — ответил Цзян Шэнлинь. — Обычным людям такое ни к чему, но для тех, кто ищет легких путей и практикует темные искусства, это как масло в огонь — способ быстро стать непревзойденным мастером.

Однако вреда от этого куда больше, чем пользы: сила растет быстро, но и смерть наступает не менее стремительно. Поэтому мало кто отваживается на такой шаг.

Ли Суй забрал портрет и отправился в Зал Тяньчжу.

Была уже глубокая ночь, но Пань Шихоу все еще не спал. Его старое лицо то краснело, то бледнело от гнева. Пань Цзиньхуа уныло стоял рядом — судя по всему, в доме разыгрывалась привычная сцена: отец отчитывал сына.

Ни один из них не ожидал появления Ли Суя в столь поздний час. Пань Цзиньхуа и так уже до смерти надоели отцовские причитания в духе «вот если бы у тебя было хоть десять процентов от мастерства Владыки дворца Ли». Теперь же, увидав виновника своих бед воочию, он насупился и бросил на гостя враждебный взгляд, что разительно отличалось от заискивающей мины Пань Шихоу.

— Дорогой племянник, присаживайся скорее! — Пань Шихоу улыбнулся так широко, что морщины на его лице собрались в глубокие складки. — У меня как раз есть превосходный чай, попробуй. Если понравится, возьмишь немного с собой.

— Не стоит, — Ли Суй протянул ему рисунок и сразу перешел к делу: — Кто это?

Пань Шихоу развернул свиток, взглянул на него и удивленно произнес:

— Это же Чжан Цань, хозяин Академии Чуйлю. Он скончался от болезни пару месяцев назад. — С этими словами он понизил голос: — Ну что? Значит, они действительно связаны с Усадьбой Шанжу и Демоническим культом? Я ведь не ошибся в своих подозрениях?

— Он жив, — ровным тоном произнес Ли Суй. — И в этот самый момент отмокает в тайной комнате Академии Чуйлю.

Пань Цзиньхуа заметно опешил, а Пань Шихоу и вовсе растерялся:

— Отмокает?

— В чане с ядовитым отваром пяти ядов, — пояснил Ли Суй. — Должно быть, практикует какую-то запретную технику.

Пань Шихоу нашел это известие совершенно невероятным. Он снова взгляделся в портрет, все еще отказываясь верить:

— Это точно Чжан Цань, ошибки быть не может. Но ведь мы с ним ровесники, он уже глубокий старик, у него полон дом детей и внуков, живет в достатке и ни в чем не нуждается... С чего бы ему вдруг ударяться в темные искусства?

Ли Суй окинул его холодным взглядом:

— Раз уж ты выяснил, что Усадьба Шанжу связана с Демоническим культом, а Академия Чуйлю служит их связующим звеном, то и в решении Чжан Цаня заняться темными искусствами нет ничего удивительного. К чему эти бессмысленные охи и ахи?

Пань Шихоу лишился дара речи.

Стоявший рядом Пань Цзиньхуа попытался заступиться за отца:

— Отец лишь поделился своими мыслями, к чему Владыке дворца Ли проявлять такое нетерпение?

На этот раз он не стал называть его «старшим братом» — должно быть, потому, что в прошлые разы тот даже не удостоил его ответом, и теперь молодой человек просто берег свое уязвленное самолюбие.

— Тебя вообще никто не спрашивал! А ну замолчи! — тут же прикрикнул на сына Пань Шихоу и поспешно заулыбался Ли Сую: — Это все я... Стар я стал, сглупил, сморозил глупость, не подумав.

Пань Цзиньхуа с недовольным видом отвернулся.

— Каковы твои дальнейшие планы, племянник? — спросил Пань Шихоу.

— Ты присмотришь за Академией Чуйлю, — ответил Ли Суй. — Если заметишь что-то подозрительное, сразу отправь человека сообщить мне.

Пань Шихоу опешил:

— Я присмотрю?

— Да, — подтвердил Ли Суй.

— Хорошо... Хорошо, — смущенно пробормотал Пань Шихоу.

Пань Цзиньхуа снова не выдержал. Каким бы надоедливым ни был его отец, он все же

оставался его отцом. С какой стати посторонний человек должен помыкать им, словно слугой?

— Мы будем следить за Академией Чуйлю, — с едва скрываемой издевкой спросил он. — А чем займешься ты?

Ли Суй бросил на него ледяной взгляд.

Пань Цзиньхуа почувствовал, как кольнуло в шее, и благоразумно прикусил язык.

Ли Суй отвел взгляд:

— Академия Чуйлю — всего лишь связующее звено. Чжан Цань из-за ядовитых ванн сейчас находится на грани смерти, так что вреда от него немного.

Пань Шихоу все понял и осторожно спросил:

— Стало быть, ты хочешь, чтобы мы присмотрели за этим местом, пока сам нагонишь силы Альянса боевых искусств и займешься расследованием дела об Усадьбе Шанжу?

Ли Суй поднялся:

— Я оставлю в городе пятерых своих людей. Если что-то случится, разыщи их на постоялом дворе Вэньшу.

— Зачем им постоянный двор? У меня в усадьбе полно свободных комнат, я велю слугам прибраться там прямо сейчас! — Пань Шихоу всегда проявлял к нему редкое гостеприимство. Закончив распоряжаться, он спросил: — И когда же ты планируешь отправиться в путь, племянник?

— Послезавтра, — ответил Ли Суй.

— Тогда, может, завтра в полдень пообедаешь у нас?..

— Занят.

—

Должно быть, посчитав старика слишком жалкой фигурой, Ли Суй впервые снизошел до объяснений:

— Мне нужно в Долину Сюцю.

Пань Шихоу так и просиял от неожиданного внимания:

— О, разумеется! Сейчас там чудесные виды, все цветы распустились. Тебе действительно стоит немного отвлечься и отдохнуть.

Ли Суй широким шагом покинул Зал Тяньчжу.

«Цветы распустились».

...

— И насколько сильно они распустились? — спросил лежащий в постели Чжу Яньинь.

Цзян Шэнлинь, разминавший ему акупунктурные точки, небрежно ответил:

— Вся долина усыпана розовыми и белыми цветами, а над ними кружат тучи бабочек.

Прекрасный вид, который словно просился стать декорацией для выступления Владыки дворца Ли: пусть продемонстрирует там свои боевые приемы, а под конец обнажит Меч Сянцзюнь и покажет все восемнадцать приемов фехтования.

Тем временем у Ли Суя на другом конце города по спине пробежал холодок, и его непреодолимо потянуло кого-нибудь пришибить.

Однако Читянь не отличался благородным стремлением лично явиться в Байтоучэн и подставить шею под удар Владыки дворца Ли; этот мерзавец прятался бог весть в какой дыре. Что касается соглядатаев Демонического культа, те по-прежнему прилежно вились возле Банковской конторы Чжу. Но они были настолько глупы — глупее даже того белоснежного недотепы, — что Ли Суй просто не желал марать об них руки.

При мысли о белоснежном недотепе лицо Ли Суя помрачнело еще сильнее.

Он и сам не понимал, с какой стати поддался на уговоры или не иначе как попал под чары Цзян Шэнлиня. С чего вдруг он согласился махать кулаками в каком-то ущелье? Узнай об этом кто-нибудь в цзянху — позора не оберешься.

Цзян Шэнлинь предупредил его заранее:

— Если сбежишь, я каждый день буду подмешивать в твои лекарства желчь.

Ли Суй промолчал.

То ли из-за того, что благородный муж всегда держит свое слово, то ли из-за страха перед желчью, но Владыка дворца Ли все же явился в Долину Сюцю в назначенный час. Облаченный во все черное, он выглядел так, словно собирался отправить на тот свет каждого встречного.

Чжу Яньинь под благовидным предлогом тайком выскользнул из дома. На этот раз он не взял с собой ни Чжу Сяосуя, ни охранников — просто уселся в небольшую повозку Цзян Шэнлиня, на которой тот обычно возил целебные травы, и отправился в горы.

Пейзажи Долины Сюцю и впрямь оказались неописуемо хороши: повсюду цвели нежно-розовые и белые бутоны, журчал чистый ручей, повсюду порхали бабочки, а воздух был напоен сладким цветочным ароматом.

Завидев стоящего у ручья Ли Суя, Чжу Яньинь взволнованно замер. Рядом был Цзян Шэнлинь, поэтому страха молодой господин не испытывал — лишь тихонько спросил:

— А когда Владыка дворца Ли начнет показывать приемы?

— Сейчас, прямо сейчас, — Цзян Шэнлинь отыскал чистый плоский валун и усадил Чжу Яньиня. Заметив, что Ли Суй по-прежнему стоит неподвижно, словно погруженный в медитацию монах, он подошел ближе и поторопил его: — Тебе что, нужны литавры с барабанами и приветственные крики толпы, чтобы начать?

Ли Суй холодно взглянул на него:

— Вокруг полно чужих глаз.

<http://bllate.org/book/18290/1754057>